

Катя
ОЗЕРОВА

Я ДАРИЮ ТЕБЕ СВОЮ
СЕМЬЮ, СЕСТРА

Катя Озерова

Я дарю тебе свою семью, сестра

<https://litres.ru/74424143>

SelfPub; 2026

Аннотация

- Маша, мы же близняшки! Ну помоги мне! Я встретила мужчину. Лешу! Он совсем другой, с ним я чувствую, что живу. И мы хотим встретить Новый год вместе. Улететь, вырваться!

Я смотрела на неё, не веря своим ушам.

-Ты с ума сошла!? У тебя муж, дочь! И ты хочешь сбежать с каким-то? - Язык не поворачивался произнести это вслух – мужик, любовник?

Господи, о чем Наташа вообще? Она с ума сошла?

-Он не какой-то! — вспыхнула она. — И это мой единственный шанс вырваться из унылой тоски хоть на время! Я заживо гнию в чертовом браке с Державиным!

-Так разведись!

-Ну нет, свою комфортную жизнь с Вадимом я терять не готова. Пока - Она раздраженно дергает плечами, - Державин в Питере на важной сделке. Он не появится дома еще две недели, даже Новый год проведет там

Я отказалась, но совершила ошибку – осталась переночевать в доме сестры. А на утро нашла ее обручальное кольцо, записку и растерянную доченьку, которая назвала меня мамой.

А Державин он вернулся раньше.

- Соскучилась жена?

Содержание

Глава 01. Обман	5
Глава 02. Знакомство	11
Глава 03. Семейный завтрак	18
Глава 04. Кольцо	24
Глава 05. Елка	30
Глава 06. Санкции	36
Глава 07.Сборы	47
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Катя Озерова

Я дарю тебе свою семью, сестра

Глава 01. Обман

Тишина роскошной гостиной оглушала. Я стояла у панорамного окна, за которым Москва сверкала миллионами новогодних огней, а внутри меня все кричало. Кричало от нелепости и безумия происходящего.

«Хотя бы переночуй тут, Маш. Уже поздно, куда ты поедешь? Утром разберемся».

Голос сестры, такой похожий на мой собственный и такой чужой, все еще звенел у меня в ушах.

Я обернулась, и взгляд снова упал на массивный стеклянный стол. Там будто насмешка лежали вещественные доказательства Наташиного безумного плана. Ее паспорт, последний айфон, весь в стразах. Рядом горсть ослепительных украшений: бриллиантовые серьги, цепочки, браслеты. Обручальное кольцо с огромным камнем, которое я надела вчера вечером «просто примерить» по ее просьбе.

И записка - как отрезвляющая пощечина.

Сестра действительно это сделала — она сбежала!

«Маша, не злись. Я вернусь через три недели. Деньги на карте. Няня придет утром. Наташа».

Накануне вечером сестра выложила мне свой план.

— Маша, мне просто нужно две недели. Мы же близняшки, ну помоги! Совсем немного, — ее глаза блестели нездоровым, лихорадочным огнем. — Я встретила человека. Лёшу. У него ночной клуб в центре. Он... совсем другой. С ним я чувствую, что живу. Мы хотим уехать отдохнуть вместе. Просто исчезнуть на некоторое время. Леша обещал мне Мальдивы!

Я смотрела на нее, не веря своим ушам.

— Ты ненормальная!? У тебя муж, дочь! И ты хочешь сбежать с каким-то?.. — Язык не поворачивался произнести это вслух — мужик, любовник? Господи, о чем Наташа вообще? Она с ума сошла?

— Он не «какой-то»! — вспыхнула она. — И он мой единственный шанс вырваться из этой унылой тоски хоть на какое время! Я заживо гнию в этом чертовом браке рядом с Державиным!

— Так разведись!

— Ну нет, — Наташа отвела взгляд, — свою комфортную жизнь с Вадимом я терять не готова. Пока... — Затем откинулась на диване, раздраженно дернув плечами. — Державин в Питере на важной сделке. Он не появится дома еще две недели, даже Новый год проведет там. — Отбросила за спину блестящую прядь волос и перевела дыхание. — Я сама

покупала ему билет на самолет. Ты просто побудь здесь. Поживи моей жизнью. У тебя ничего и никого. Что тебе стоит, а? А я... я сойду с ума, если не уеду сейчас. Мне отдых с Лёшей, тебе Новый год в Москве. Когда еще ты сможешь позволить себе все вот это? Сходишь в салон, приведешь себя в порядок. Поешь нормально. Икра, лобстеры. Мой повар все, что захочешь, тебе приготовит, — она поиграла бровями. На ее лице появилась ехидная ухмылка.

Я сжала челюсть, в горле застрял ком. Попытки сестры меня задеть, тыкая в мою посредственную, бедную, по ее меркам, жизнь, обижали. Но не потому, что я завидовала Наташе, — свою жизнь я любила. Да, воспитательница в саду, но работу свою и детей я люблю. Денег огромных нет, но мне хватает. Мне хорошо там, где я есть. И красную рыбу я себе покупаю. Не каждый день, по праздникам. Но покупаю!

А вот Наташе на своем месте плохо. Это она несчастная жена успешного бизнесмена, которая хочет сбежать от мужа и ребенка под Новый год.

Мы спорили еще долго. Она сыпала обещаниями, рисовала картины безмятежного отдыха для меня и страстного побега для себя.

Утром же, не обнаружив сестры, я поняла весь масштаб катастрофы. Она сбежала и оставила меня разбираться со всем. В панике я схватила Наташин телефон и дрожащими пальцами стала набирать своей номер. Надо было заставить ее вернуться, отмотать все назад!

«Абонент временно недоступен...»

Я набирала номер снова и снова. Тот же равнодушный, автоматический голос. Она выключила телефон. Отрезала все пути к отступлению. Меня бросили здесь одну, лицом к лицу с последствиями собственного безумия.

Паника, холодная и тошнотворная, подкатила к горлу. Что мне делать? Скоро проснется ничего не подозревающая маленькая девочка, придет няня. О господи боже мой! Все сразу поймут, что я не сестра. Будет огромный скандал!

Это безумие, но я не могу оставить все как есть. Я должна поговорить с мужем Наташи, мягко ему обо всем рассказать. Только как беседовать о подобных вещах аккуратно? «Ваша жена улетела на Мальдивы с другим мужчиной. Вам нужно вернуться из командировки и присмотреть за своей дочерью самому». И еще объяснить, кто я есть, ведь Наташа обо мне не рассказывала Державину.

Сестра бросила наш городок, свое прошлое, меня с матерью и укатила в столицу за лучшей жизнью. Ни на свадьбу нас не позвала, ни с дочкой и мужем не познакомила. Мама два года назад скоропостижно скончалась от ковида, так не увидев ни разу свою внучку.

Дрожащими пальцами я нашла нужный контакт в телефоне.

«Муж».

Выдохнув, набрала его номер. В телефоне слышались длинные гудки, после звонок оборвался. Я набрала номер

еще раз и сжала зубы. Я не могу скрывать правду, не имею права! Я не соглашалась на предложение сестры! Она выдержала меня из моей привычной жизни под предлогом того, что хочет наладить наше общение.

Я до боли зажмурилась. О Державине ходили не лучшие слухи. Поговаривали, будто он устранил в прошлом месяце своего конкурента, как в лихие девяностые. Застрелил, тело залил в бетон и скинул в Москву-реку. Можно было бы подумать, что все это бред и какой-то черный пиар, но того человека нигде не могут найти. Он действительно исчез.

А что, если и меня ждет что-то подобное за наш обман?! Вдруг Державин не станет разбираться, а накажет того, кто первый под руку подвернется?

В голове вспыхнул его образ — холодный льдистый взгляд, нахмуренные брови, напряженная челюсть. Даже от его фото веяло опасностью.

Я сбросила вызов. Шумно выдохнула.

Господи, мне конец!

Поворот ключа в двери вывел меня из ступора.

Пришла няня, а значит, я могу трусливо сбежать, а потом снова начну звонить сестре. Она же не может держать телефон выключенным все время. Ей ведь нужно узнавать, справляюсь ли я. А я не справляюсь! Пусть возвращается и разруливает ситуацию как хочет.

Хватаю сумочку, паспорт Наташи и бегу к двери. Нетерпеливо дергаю тяжелую дверь на себя.

Удар.

Я влетаю во что-то твердое и пахнущее резким парфюмом. Отшатываюсь, и мир плывет. В реальности Державин еще мощнее, чем кажется на фото. Широкие плечи загораживают спасительный выход.

Он же должен быть в Питере!

Глава 02. Знакомство

Мы замираем, и секунда растягивается в вечность. Его взгляд скользит по моему лицу, по растрепанным волосам, по платью, паспорту, зажатому в напряженной руке. Я вижу, как в его глазах мелькает удивление и... что-то еще. Внимание. Пристальное, тяжелое.

— Наташа, ты куда собралась в таком виде? — произносит он. Голос низкий, глухой, без эмоций.

Я бросаю взгляд вниз — я босиком, без пальто. С паспортом и сумочкой в руках. Сердце начинает колотиться где-то в горле, перекрывая дыхание.

— Я... — мой голос срывается, превратившись в хриплый шепот. Я вижу, как брови Державина чуть сдвигаются. — Я просто... хотела пройтись.

Он медленно, не отрывая от меня ледяного взгляда, ставит чемодан на пол прихожей.

— В семь утра? Зимой? Без пальто? С паспортом в руках? Согласна, странно.

— Не успела одеться. — Черт возьми, одежда моя хоть в шкаф? Или Наташа ее тоже забрала, как и все, что было на мне вчера? Вдох-выдох. Я пытаюсь погасить панику внутри.

Нужно сказать правду, но Державин вызывает у меня волну ужаса одним своим видом. Он него веет холодом и напряжением. Вадим делает шаг вперед, и я инстинктивно отсту-

паю назад, в гостиную. Державин входит, закрывает за собой дверь. Звук щелчка замка звучит как приговор.

— Что происходит, Наташа? — Он называет ее по имени. Отчужденно. В его интонации нет ни капли тепла. Только раздражение и усталость.

Почему он не рад видеть жену?

Пространство разрезает назойливый звонок его телефона, давая мне время собраться мыслями. Как сказать ему правду? Что он подумает?

— Да. — Державин продолжает стоять в пальто, не отрывая от меня внимательного взгляда. — Я что-то не понял, Тимур. Вы там в своем уме? — В трубке слышится бессвязное мычание, заставляющее Державина напрячься всем телом. Крылья носа раздуваются и белеют, челюсти сжимаются. Взгляд становится настолько тяжелым, что хочется отшатнуться, — я приеду через два часа и всех вас там поубиваю, — произносит он тихо и равнодушно. А у меня ноги подкашиваются и язык от страха присыхает к небу.

Нам с сестрой конец!

Он раздавит меня как букашку. А Наташу... Бог знает, что он сделает с ней.

Державин убирает от уха трубку, прерывая в одностороннем порядке панический бессвязный поток речи и обращает пристальное внимание на меня.

— Так что? Я получу от тебя внятные объяснения? Ты мне звонила? — он смотрит на экран.

— Звонила, — выдавливаю я, заставляя себя встретиться с его взглядом. — Соскучилась очень. Вот и набрала твой номер. — Внутри все дрожит, но я выпрямляю спину, как делала всегда, когда приходилось выслушивать кого-то из разъяренных родителей в саду или директрису.

— Ого. — Вспышка удивления озаряет мужское лицо, — надо же. Приятно.

— Я... ты... ты же в командировке... — вырывается у меня резковато.

Вадим медленно отворачивается, его движения выдают крайнюю усталость.

— Все сорвалось, — отрезает коротко, снимая пальто.

— Сочувствую, — шепчу тише. Нет, я не готова рассказывать правду, глядя ему в лицо. Иначе мое безжизненное тело будет лежать рядом с телом его бедного конкурента и телами тех, кого он собирается убить через два часа.

Амелия теперь в безопасности с папой — это главное. Скоро еще и няня придет.

А мне нужно сбежать, купить билет домой и уже издалека как-то попытаться решить проблему. Дозвониться до бедовой Наташи, чтобы она немедленно возвращалась. Я ведь не она, и Вадим очень быстро меня раскусит. Вот тогда нам обоим конец!

— Какая-то ты напряженная, странная. Не рада, что муж вернулся домой под Новый год? — Державин хмыкает, засовывая ладони в карманы. — Приступ нежности и заботы

прошел, едва я дверь открыл?

— Нет! Я рада, просто не ожидала, — бормочу, отводя взгляд. Кожей ощущаю, когда Державин подходит ближе. Волоски на коже встают дыбом, возвещая о приступе паники.

— Тогда покажи, как ты рада, — раздается сверху. Теплое дыхание, спутанное с тяжелым парфюмом, в котором солирует яркая нота жженого дерева, касается моих волос. Вся моя система безопасности сбоят и мигает красным.

Державин сжимает пальцами мой подбородок и дергает вверх, заставляя посмотреть в его глаза — застывшие, напряженные. В них совершенно нет теплоты, и это пугает. Я не большой эксперт по отношениям, но что у них с Наташей вообще за брак?

Вадим склоняется ниже со вполне определенным намерением, а я дергаюсь, уворачиваясь от поцелуя. Чувствуя, как мягкие губы скользят по моей щеке — я не могу допустить поцелуя с мужем сестры. Это невозможно!

В гостиной повисает неловкая тишина. Я стою, опустив голову, ощущая, как горит щека. Переминаюсь с ноги на ногу.

— Прости, — шепчу в пол. — Я не выпалась. Голова раскалывается.

— Не выпалась, голова раскалывается, — напряженно повторяет Вадим за мной, словно эхо. — Я возьму, — его пальцы ловко отнимают у меня паспорт Наташи, — поедем

в Сочи отмечать, как ты и хотела. Куплю билеты.

— Хорошо, — согласно киваю, боясь ему возразить.

Мы с Наташей две противоположности. Я спокойная, тихая, покладистая. Тяжело переношу конфликты, сглаживаю углы. А сестра взрывная, надменная. Ее сложный характер стал еще хуже после переезда в столицу.

— Свари мне кофе, пока я буду в душе, — Вадим отступает, давая мне возможность дышать свободно. — Как Амелия?

— Еще спит.

Державин подхватывает свой чемодан и отправляется вглубь квартиры, туда, где находится их с Наташей спальня.

Вчера сестра выпила немного вина и показывала мне свои хоромы, хвастаясь дорогой обстановкой. Моих возражений она совершенно не хотела слушать, ей казалось, что я просто недостаточно хорошо понимаю, насколько мне повезло, раз она обратилась ко мне со своим предложением. Вытащила из грязи ненадолго.

Фея-крестная для Золушки, мать ее!

В детскую мы не зашли, потому что Амелия уже спала. Зато заглянули в спальню и гардеробную. Наташа показала сейф со своими драгоценностями, шкафы с брендовой одеждой, полку с дорогой нераспечатанной косметикой.

«Ни в чем себе не отказывай, — ворковала сестрица, — только мужиков не води! Внизу у подъезда камеры».

Мне надо было бежать еще тогда. Зачем я вообще все это

слушала и позволяла затуманить себе мозг?

Хотя я знаю ответ — я соскучилась. Я дура непроходимая, но Наташа же моя родная сестра. У нас столько хорошего было в детстве! И мы так давно не виделись. Я понимала, что утром уеду и, наверное, никогда уже с ней не увижусь, — смириться с тем, во что она превратилась, я не смогу. Вот и решила побыть рядом...

А теперь поплатилась — невольно заняла место сестры.
— Приготовить завтрак? — спрашиваю уже в спину Державину.

Он с чемоданом замирает. Оборачивается на меня не мигая, взгляд медленно скользит по бежевому трикотажному платью, которое Наташа мне выдала для удобства. По волосам, скотытым в пучок, по лицу без макияжа. Уголок его губ дергается вверх.

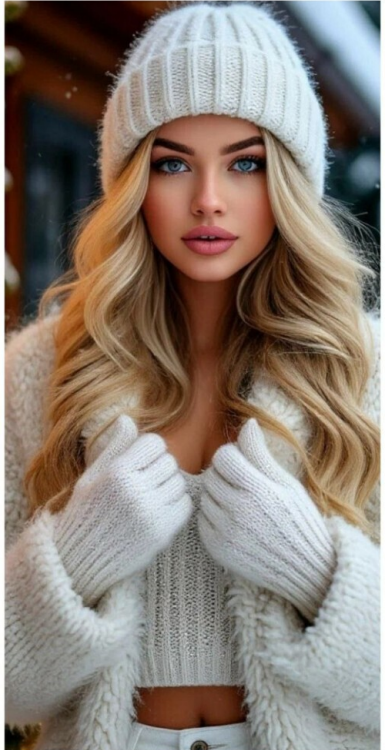
— Давай. Сделай, как я люблю, Наташа, — имя сестры произносит с тяжестью в голосе, от которой меня снова пробирает страх.

— Хо-хорошо...

Черт! Зачем я спросила? Да почему я такая болтливая, когда нервничаю?

Что? Что ест этот мужчина на завтрак?

Наташа/Маша

Глава 03. Семейный завтрак

Тело дрожало, мысли прыгали. Я погружалась в ложь сестры все глубже и глубже и ничего не могла с этим сделать.

Я почти побежала на кухню — огромное стерильное пространство с техникой, в которой я с трудом разбираюсь. Кофемашина. И что тут нажимать? Руки тряслись, пока я открывала шкафы в поисках зерен, которые, как назло, закончились. Пыталась понять, как эта хромированная громадина работает. Через десять минут мучительных попыток мне удалось победить машинку, и я сделала два эспresso, себе и Вадиму. Свой выпила сразу, чтобы заставить мозг работать.

Я могу убежать, вот прямо сейчас, пока Державин в душе. Куплю билет на поезд, если мне его продадут без паспорта. А продадут ли мне его без паспорта, я не знаю. Шумно выдыхаю и отправляюсь к холодильнику. Как вариант могу купить билет на автобус. Ехать в два раза дольше, но ничего.

Если я сбегу, Наташа окажется под ударом. Еще недавно я думала рассказать о ее афере мужу, но потом я столкнулась с ним лично. И мне страшно за эту эгоистичную идиотку. Державин же ее в порошок сотрет!

Пока в голове круговерть мыслей, рассматриваю, что есть в холодильнике. Внутри царит порядок, достойный музея: свежие ягоды, сыр, йогурты, соки. На полке яйца в коробке,

мясо в вакууме, слабосоленая рыба. Ничего готового.

Можно сделать омлет — это стандартный завтрак.

А если Вадим ест кашу, например овсяную, прости господи?..

Ну нет, он огромный, видно, что занимается спортом. Он не может сидеть на каше по утрам. Зато ее стоит приготовить для Амелии, которая должна проснуться очень скоро.

Маленькая девочка не виновата, что ее мама эгоистка. Какowo ей будет без Наташи? Почему-то я уверена, что Вадим не оставит сестре дочь. Что это за мать такая, которая сбегает от родной дочери и оставляет ее с незнакомым ей человеком. Малышка ведь даже не видела меня ни разу. А вдруг она поймет? Что тогда? Это же настоящая травма для детской психики.

Будь я на месте Вадима, а бы жену придушила — мысль мельком проносится в моей голове, и я пугаюсь. Точно же может придушить.

Судорожно распахиваю шкафчик с посудой и вытаскиваю сковороду, бросаю на нее бекон и жду, пока он зарумянится. Разбиваю шесть яиц, потом добавляю еще два. Нарезаю лосось тонкими ломтиками, делаю салат с рукколой и авокадо. Для Амелии — рисовую кашу на молоке. Ее я посыплю свежими ягодами прямо перед подачей.

Завтрак приготовлен, а я так и не решила, что мне делать. Сбежать — самый легкий выход, но меня мучают мысли о последствиях такого поступка. Нужно поговорить с Ва-

димом, попробовать как-то его смягчить.

— Добае утво, — тонкий детский голосок привлекает мое внимание. Взгляд падает на порог кухни, где нерешительно топчется маленькая девочка с растрепанными волосиками. Я не видела раньше даже ее фото, и вот теперь хочется рыдаться. Амелия так похожа на нашу с Наташей маму. От папы у нее лишь голубые глаза и темные волосы.

— Доброе, — улыбаюсь ей и медленно подхожу ближе, — как спалось?

— Ховошо, — она растерянно сжимает в руках плюшевого мишку.

— Хочешь на ручки? — осторожно протягиваю к ней руки. Амелия замирает, словно маленькое изваяние. Растерянно хлопает глазками.

Я тоже замираю, не в силах понять, что я делаю не так. Это же нормально — обнять ребенка с утра. Еще нормальнее было бы пойти и разбудить дочку утром.

— Мама? — Амелия делает маленький шаг вперед.

— Да? — шепчу онемевшими губами. Она догадалась? Почувствовала? Сердце замирает, и я перестаю дышать.

— Мама, — повторяет она. На детском личике расцветает робкая улыбка, и дочка бежит ко мне, с радостью забираясь на ручки.

Своих детей у меня нет, зато есть целая группа моих садовских деток. Каждого я люблю, каждого беру на руки, если им это нужно. Успокаиваю, утешаю.

На телефон приходит сообщение, открываю его с Амелией на руках.

«Простите, сегодня не смогу прийти. У меня грипп», — читаю и прикусываю губу. Подписано «Ольга». Видимо, это няня.

— Кашу будешь? Рисовую? — улыбаюсь Амельке. Какая же она хорошенькая и милая, просто чудо.

— Угу, — малышка соглашается. Кладет мне голову на плечо и наблюдает, как я пытаюсь накрыть на стол одной свободной рукой. А мне очень приятно ощущать тяжесть ее детского тела, ее тепло, пухлую щечку на моем плече. Пальчики, которые вытащили прядку из моей прически и тихонько ее теребят.

Жаль, что в моей жизни так и не встретился человек, с которым я могла бы создать семью. Я синий чулок по жизни, не умею очаровывать, не одеваюсь красиво. Да и в нашем городке выбор мужчин небольшой. Многие уехали на заработки в столицу, остальные либо женаты, либо пьют. Ту малую часть, кто свободен, мне нечем привлечь.

Может, Наташа и права, я так и останусь одна на этом свете, никем не выбранная.

— Папа! — звонко вскрикивает Амелия у меня на руках. Вместе с ней оборачиваюсь к двери, у которой застыл Вадим. Он больше не в деловом костюме, а в обычных домашних брюках и серой футболке.

Немигающий взгляд застывает на мне с Амелией на руках.

— Папа, папа, папа, — Амелия ерзает и тянет ручки к Вадиму. Приходится подойти к нему вплотную, чтобы дочка могла перебраться с одних рук на другие.

Амелия целует Вадима в щеку, и тот, словно очнувшись, улыбается ей в ответ. Он делает это так естественно и красиво, что у меня дух захватывает.

— Я сучава, — жметесь дочка к нему.

— И я, — отвечает, снова переводя на меня сканирующий взгляд.

— Я сделала омлет, — суетливо ставлю рядом с тарелкой чашку кофе.

— А мне кафу! — с восторгом делится Амелия.

— Кашу... одуреть, — качает головой Вадим. Опускает дочку в ее детский стульчик, сам садится рядом. Я же не понимаю, куда себя деть. Руки то и дело нервно вздрагивают.

Я как тот вор, на котором и шапка горит. Вадим поймет, он точно догадается.

Надо, надо сказать... но не при Амелии же.

— А ты с нами не позавтракаешь? — Державин упирается локтями в столешницу и складывает ладони в замок. Кладет на них подбородок. В глазах зажигается опасный огонек, когда его взгляд задерживается на моей ладони. — Ты сняла кольцо?

Глава 04. Кольцо

Сердце резко замирает... Кольцо! Оно так и осталось в гостиной на столе, вместе с остальными украшениями.

— Забыла утром надеть, — подхожу к Амелии и глажу ее по спинке. — Кушай, солнышко. Тебе какие ягодки положить?

— Все свазу!

— Отлично, — иду к холодильнику, вынимаю коробочки и мою ягоды. Стараюсь не обращать внимания на тяжелый взгляд, которым Вадим продолжает сверлить меня через стол.

— Ты такая хозяйственная сегодня, даже странно. Обычно все, что я могу получить на завтрак, это чашка кофе и бутерброд.

— Кхм, — зажмуриваюсь. Хорошо, что сейчас я стою спиной к Державину и тот не видит моего лица. У меня прокол за проколом, скоро он точно все поймет и мне не поздоровится.

Кажется, Наташа вчера что-то упоминала про няню и повара, на них всегда основная нагрузка.

— Няня сегодня не придет, написала, у нее грипп. Вот я и приготовила завтрак. Что я, не могу порадовать мужа и дочь? — нервно хватаю миску с ягодами и ставлю ее на стол. Беру Амельку на руки, усаживаю удобнее, придвигаю тарел-

ку с кашей. — Смотри, какие ягодки красивые! Красные это какие?

— Мавинка, — малышка хлопает в ладоши.

— А вот эти синие?

— Голубика.

— Ой какая ты молодец, Амелька-карамелька, — целую Амелькины волосики. — А вот эта большая сочная ягода с пупырышками?

— Квубника!

— Все правильно назвала. Ты моя доченька, — болтаю с воодушевлением, стараясь звучать естественно. Амелька улыбается мне, доверчиво прижавшись, и это хоть немного успокаивает дрожь внутри.

Раздается резкий металлический звук — вилка соскальзывает с тарелки Державина и падает на паркет. Я вздрагиваю. Да что не так? Я общаюсь с Амелькой как любая нормальная мама. Чего он бледный такой? Может, из-за работы?

— Все нормально? — спрашиваю, нервно взглянув на него. Протягиваю руку к ящику с приборами за своей спиной и достаю чистую вилку, кладу ее перед Державиным.

Он медленно берет ее, пальцы сжимают металл так, что костяшки белеют.

— Все нормально, Наташа. Как всегда, — хрипло отвечает. И принимается за еду с непроницаемым лицом.

Тишина снова становится давящей. Ненавижу давление. И тишину тоже. Я люблю, когда кругом детский смех, ножки

топают по линолеуму, будто толпа маленьких слоников бе-
гает. Тишина она только в детский час хороша, в это время
она умиротворяющая.

— Ты... ты что-то упоминал, что тебе нужно через
несколько часов на работу? — не выдерживаю я.

Державин отрывается от еды. Завтрак он, кстати, умял
полностью. Так что даже обычная воспитательница детско-
го сада легко может приготовить нечто годное для сильного
мира сего.

— Да. Мне нужно поехать и всех там поубивать, — Вадим
вытирает губы салфеткой и откладывает ее в сторону.

От этих слов, произнесенных спокойным тоном, у меня
перехватывает дыхание. В голове проносится — он не в себе
после провала сделки. Или всегда такой?

Однако в любом случае это возмутительно!

— Не говори так! — шиплю я, инстинктивно прикрывая
ладонями ушки Амелии, хотя девочка, увлеченная ягодами,
вряд ли что-то расслышала. — Не при Амелии же.

Резко перевожу дух и, глядя на Амелию, начинаю гово-
рить сладким напевным голосом, который использовала в са-
ду для самых капризных малышей:

— А знаешь что, солнышко? Папа уедет ненадолго, а мы
с тобой сделаем ему огромный-огромный подарок к Новому
году! Такой сюрприз! Самый лучший в мире!

Амелия отрывается от тарелки, ее глазенки загораются.

— Папочке? Сюпиз?

— Да! И мы начнем сразу, как только он уйдет на работу! Когда он уйдет на работу? — вопросительно смотрю на Вадима с будто приклеенной улыбкой.

— Через двадцать минут, — он бросает быстрый взгляд на часы.

— Вот и славно, вот и хорошо, — подсыпаю Амелии в тарелку еще ягод. Оставшиеся закидываю себе в рот.

Грустно, конечно. Но отчасти Наташа права. Не все я могу себе позволить. Вот те же свежие ягоды, в магазине у нас они или безвкусные или замороженные. Не то что эти, их будто бы с грядки сорвали сегодня утром. И не жились они, и спели под ярким теплым солнышком, а не в каком-нибудь парнике с искусственными лампами и капельным поливом.

— Мы будем сами девать? Без няни?

— Без няни.

Амелия хлопает в ладоши и обвивает мою шею липкими от каши ручками. Сердце сжимается от этой безоговорочной детской радости и осознания чудовищности лжи, в которой я погрязла. Господи, прости, что я все это делаю. Я не со зла. Я просто не знаю, как поступить правильно. Пару дней я буду любить Амелию как самая настоящая мама, пока Наташа не одумается и не вернется домой. Я не смогу оставить ее одну.

— Спасибо, — произносит Державин сдержанно и поднимается из-за стола. Его взгляд скользит по мне и Амелии, задержавшись дольше необходимого на моем лице, — за завтрак.

— Пожалуйста. Когда ты вернешься? — стараюсь завуалировать свое любопытство под заботу. — Я ужин приготовлю.

— Тогда пораньше, раз уж у тебя такое желание готовить проснулось. Может, и повара отпустить до завтра?

— Отпусти, — киваю. Я точно не хочу лишних людей, которые могут вывести меня на чистую воду. Мне одного Державина хватает с лихвой.

Вадим скрывается в глубине квартиры и возвращается одетым в деловой костюм.

— Проводишь?

Замираю, но тут же пытаюсь собраться. Нужно вести себя так, как обычно это делает жена богатого бизнесмена, которая сидит дома и развлекается походами в спа и ведением соцсетей. Нужно изобразить кошечку. Я такое видела в кино не раз.

— Конечно, — поднимаюсь с Амелькой на руках. Быстро вытираю ей ручки от каши и иду следом за Вадимом, — поцелуешь папу на прощанье?

— Да, — она чмокает Державина. Он уже успел накинуть пальто и взять в руки перчатки.

— Пока-пока, — машу ему маленькой ручкой дочки и тяну улыбку, — мы будем ждать тебя дома, милый.

Лицо Державина наполняется непонятными мне эмоциями. Он долго стоит, словно обдумывает наше прощание, пауза затягивается.

— А ты? — вдруг произносит.

— Что я?

— Целовать на прощанье мужа будешь?

Черт! Неужели нельзя было без этого обойтись? Мы же уже попрощались.

— Конечно, — подбираюсь. Державин склоняется ниже, чтобы уравнивать нашу разницу в росте. Он рассчитывает на другое, но я быстро прижимаюсь губами к его гладко выбритой щеке и отступаю. Это был даже не поцелуй. Это чмок от сестры жены. — Пока.

— Уже жду ужина. Надень что-нибудь особенное. И не забудь кольцо, Наташенька, — Державин трогает свою щеку в месте поцелуя, усмехается и уходит. Мы с Амелькой остаемся вдвоем. Отпускаю малышку на пол, а сама еле перевожу дыхание.

— Кошмар, — вырывается у меня шепотом. Что мне делать?

Глава 05. Елка

Время рядом с малышкой течет иначе. Страх ушел на второй план, уступив место обыденным, почти милым хлопотам. Вместе с Амелией мы вырезали елку из листа ватмана, покрасили ее гуашью, из воздушного пластилина вылепили пушистые ветки. Раскрасили макароны-бантики в разные цвета, смешали с драже M&M's и покрыли ими всю елку. Амелька еще очень захотела посыпать поделку блестками, что мы и сделали.

Я бы нашей елке на смотре-конкурсе детских поделок в садике точно первое место отдала.

— Папочке понравится? — шепчет Амелия, прижимаясь ко мне бочком. Она все время тянется ко мне, ищет прикосновений, будто за долгий день не могла насытиться теплом. Это удивляет и ранит одновременно. Разве так ведут себя дети, у которых есть все, включая любящую мать? Или Наташа не была любящей?

Ну нет. Она эгоистичная личность, конечно. Но это же ребенок, его в животе девять месяцев носишь, рождаешь в муках. Потом кормишь грудью, учишь всему на свете. Его любишь безусловно и сильно.

Периодически я уходила в ванную комнату и с замиранием сердца набирала номер Наташи.

«Абонент временно недоступен». Ответ бесил, на меня накатывала безысходность. Я в доме с маленькой ранимой девочкой и ее отцом, который потребовал вечером надеть что-то особенное. Я занимаю чужое место — это необходимо срочно исправить.

Я злюсь. Злюсь так, что пальцы сами сжимаются в кулаки и ранят ногтями ладони.

И вдруг долгие гудки! Сердце прыгает в горло.

— Алло? — звучит в трубке претенциозный, манерный голос Наташи. Фоном шумит аэропорт.

— Наташа, — выдыхаю я, прижимая телефон к уху, — возвращайся. Державин приехал.

В трубке повисает тишина. Я слышу лишь ровное дыхание сестры.

— Я не могу, — наконец говорит она ровно. — У нас с Лешей скоро посадка.

— Ты с ума сошла?! — шиплю я, стараясь говорить тише, чтобы Амелия из соседней комнаты не услышала. — Наташа, немедленно вернись домой! Ладно, мужа бросить... я еще могу как-то понять, что ты устала! Но как ты могла бросить ребенка? Твоя дочь... она очень по тебе скучает. Ей нужна ее мама. Немедленно возвращайся! — сжимаю трубку так, что пластик трещит.

Наташа издает очень долгий усталый вздох.

— Маша, моя дочь в безопасности рядом с тобой. Ты же воспетка в саду, это даже лучше няни... — делает паузу.. — Вернусь через неделю.

— ЧТО? — ошарашенно подпрыгиваю.

— А ты в это время просто замени меня. Вадим даже не заметит. Он вообще в последнее время меня в упор не видит.

— Да ты сама с ума сошла! — шепчу яростно. — Мне кажется, он меня уже раскусил!

— Ой, брось, — фыркает она. — Он ничего, кроме своей работы, не видит. Просто не отсвечивай. Амелией пусть занимается няня.

— Какие няни?! — я уже почти кричу шепотом. — Скоро Новый год! Твоей дочке нужна забота и любовь! Ей нужна мама! Немедленно возвращайся!

— Не могу! — капризно выкрикивает Наташа.

— Твой муж меня поцеловал! — иду ва-банк. — И он хочет, чтобы я вечером сексуальное белье надела, а может, еще и с подвязками! Или вообще ничего, — нагнетаю я, чтобы сестра начала волновать и немедленно вернулась. Это же ее муж! Она обязана ревновать! Она не может позволить, чтобы между мной и Державиным что-то произошло. — Он хочет этого самого. Ты понимаешь?

— Ну... — Наташа протяжно выдыхает. — Я увеличу твое вознаграждение вдвое, — холодно произносит она. И звонок разъединяется. Короткие гудки бьются в такт бешено стучащему сердцу.

Я в шоке оседаю на пол ванной, уставившись на телефон. Беспомощность и страх накатывают новой волной. Я снова попыталась позвонить. «Абонент временно недоступен». Наташа окончательно отрезала пути к отступлению.

Дверь в ванную медленно открывается. На пороге испуганная Амелия.

— Мама? Ты... ты лугалась? — хнычет она, потирая кулачком глаз.

Я мгновенно прячу телефон в карман и распахиваю руки.

— Прости, моя хорошая, я не хотела тебя тревожить. Это я так, совсем чуть-чуть.

Прижимаю ее к себе, и в нос ударяет сладкий детский запах ее макушки. Как можно бросить дочь? Это за гранью моего понимания. За гранью добра и зла.

Мне дико захотелось дотянуться до Наташи, встряхнуть ее за плечи и, может быть, даже врезать, чтобы ее мозг встал на место.

Что у нее внутри за поломка такая, что ей утехи с любовником важнее дочери?

И муж для нее совершенно не важен, я теперь понимаю ясно. Ни одна любящая хоть немного женщина не позволит того, что она предложила мне. За деньги...

К девяти Амелия сдается — глазки начали слипаться. Но она все так же старается быть ко мне ближе. За руку держится, волосы трогает, целует.

Мы умылись, почистили зубы, и я уложила ее в кроватку.

Амелия выглядит абсолютно счастливой, все время шепчет «спафибо, мамоська» и «я тебя люблю. Ты самая у меня любимая».

От детских слов, он ранимости и непосредственности Амелии в груди щемит. Глядя на детей в саду, я всегда мечтала о своем ребенке. А теперь, когда меня называли самой любимой мамой, хочется разрыдаться. Я бы свою доченьку любила, холила и лелеяла, а не бросила, как Наташа.

Я сижу рядом, пока Амелия не засыпает крепко, лишь изредка ее пальчики вздрагивают, ища мою руку. Около одиннадцати на цыпочках выхожу из детской.

По звукам из кухни становится понятно — Державин вернулся.

Глава 06. Санкции

Я затянула пояс шелкового халата — ничего более приличного в гардеробе Наташи не нашла. Крадучись заглянула на кухню.

Расслабленный Державин сидит за столом. Пиджак на спинке стула, рубашка расстегнута на три пуговицы. Прямо перед ним в центре стола наша с Амелией разноцветная блестящая елка из макарон и драже M&M's.

— Амелия хотела сама подарить ее, — говорю я тихо, выходя из своего укрытия, — но уснула.

Рядом с елкой стоит пустая тарелка из-под жаркого с овощами. Мы с Амелькой его тоже готовили вдвоем. Племянница у меня невероятная, она, кажется, все готова делать, что я ей предлагаю, даже пыталась помочь мне вымыть посуду.

Может потому меня так сильно тянет к девочке - родная ведь кровь. Да и всматриваться в ее личико, постоянно ловя черты мамы - это нечто особенное и сокровенное. Мама наша была очень добрым, очень хорошим человеком. Она передала Амельке свою улыбку, свои бровки, слой скулы, свой голос. Он у племянницы еще детский, но мне кажется с возрастом похож будет именно на мамин. Ну и на наш с Наташей.

Боже, как с ней рядом хорошо. Несмотря на ситуацию, я так благодарна тебе за возможность побыть рядом с этой уди-

вительной девочкой, стать немного причастной к ее детству. Грустно, но при других условиях сестра бы меня с ней, наверное, так и не познакомила.

— Дела задержали, — он придвигается к елке и трогает ее кончиками пальцев. — Спасибо за ужин, было вкусно.

— Пожалуйста. Мы с Ами вместе готовили. Она помогала овощи резать.

Державин вздрагивает и переводит на меня удивленный взгляд.

— Она сама хотела, я ее не заставляла, не думай, - беспомощно выставляю ладони вперед. Я больше всех против использования детского труда. Детство должно быть детством. Но если помощь это интересная игра для ребенка и не в тягость, то тут можно.

— Я и не думаю, — усмехается. Взгляд медленно, оценивающе скользит по моей фигуре, задерживаясь на груди. Я тут же сжимаю ткань халата и, чтобы скрыть смущение, отворачиваюсь к раковине. Кажется, я хотела попить воды.

И тут меня знатно накрывает!

— Это что такое? — вытаскиваю пустую бутылку из раковины и смотрю на Вадима. Мое лицо выражает крайнюю степень негодования.

Державин откидывается на спинку стула. Смыкает ладони в замок и закидывает за голову, тянется вверх, медленно растягивая шейные позвонки.

— Это мой тяжелый день, — выдыхает устало.

От этого спокойного признания я чуть не подсказываю. Сама я не приемлю алкоголь ни в каких дозах. Слишком много от него бед.

— Всю? — выдыхаю я ошарашенно.

Он кивает.

— Пришлось выкосить половину финотдела, — мрачно бросает, — достали своей тупостью. Из-за них же, идиотов, пришлось вернуться. Пять человек, а по одному проекту цифры нормально посчитать не могут.

Выкосить...

Это же убить? Я правильно понимаю? Я начинаю часто моргать. Нет, не верю. Не может быть, чтобы он действительно это сделал. Это какой-то черный юмор. Если бы люди пропали, их бы искали, подняли бы всех на уши. У них есть родственники, а сестер и братьев-близнецов на всех не хватит, чтобы найти замену. Не такое это распространенное явление. Одна пара близнецов на девяносто обычных детей, я интересовалась статистикой.

Он их всех, наверное, уволил. По крайней мере, буду на это надеяться.

Рывком открываю шкафчик под раковиной и швыряю в мусорное ведро пустую бутылку. Она глухо и тоскливо звякает. Сложив руки под грудью, встаю привычную позу — воспитательница, читающая нотацию нерадивому родителю. Ну все, довел! Я за Амелию горой стану! С рук этому папашке ничего не спущу!

— В доме, где есть маленький ребенок, подобное непозволительно, — произношу менторским тоном, не терпящим возражений. Да, я так умею!

Некоторые папы у меня в саду тоже любят заложить за воротник, и бывает, приходят за детьми нетрезвыми. Я никогда не отдаю им детей. Звоню мамам, требую, чтобы пришел трезвый взрослый. И обязательно провожу разъяснительную работу. Детство — очень важный период. Рядом с ребенком должны быть надежные взрослые, а не люди с зависимостью, иначе окружающий мир на всю жизнь останется для повзрослевшего ребенка небезопасным; мрачное прошлое просто так не отпустит, будет калечить и дальше уже следующие поколения.

В моей голове одна мысль обгоняет другую. Маленькая Амелька, моя девочка ранимая... она живет в неблагополучной семье? Бардак какой-то! Отец, возможно, пьет и шутит о расправах над людьми, мать сбежала с хлыщом из клуба... Богатство, деньги. А где любовь и забота? Какое может быть счастье для ребенка в такой обстановке?

— Ты выглядишь так, будто я сейчас отхвачу, — произносит Державин с кривой ухмылкой. Мой настрой ему явно не нравится.

Он медленно поднимается со стула. К удивлению, его походка оказывается уверенной, безо всякой шаткости.

— Отхватишь! — дергаю воинственно бровью. — Мою позицию ты услышал! Надеюсь, подобное не повторится. —

Продолжаю говорить строго, не меняя позы, хотя внутри все начинает дрожать. Державин высокий, сильный мужчина с крутым нравом. Я для него как соломинка — переломит, откинёт и не заметит.

— Мне нравится твой тон строгой училки, — Вадим напроць игнорирует то, что я ему сказала. Меня ещё больно это злит! Я тут что - клоун ему какой-то? Или вообще не авторитет??? Я мать!

Державин резко делает шаг, становясь вплотную ко мне. Его руки обхватывают мою талию, и прежде чем я успеваю вскрикнуть, он усаживает меня на край обеденного стола.

— Что ты делаешь?!

— Хочу рассмотреть тебя поближе, — его взгляд сужается. Я замираю, хлопаю ресницами. Ну пусть смотрит. Мы с Наташей очень одинаковые. У нас на лице даже родинки в одних и тех же местах. Различить можно только если раздеть - у меня на правой ягодице родимое пятнышко есть, а у сестры нет.

— Насмотрелся? — я упираюсь ладонями ему в грудь и тут же отдергиваю руку. Твердый, как камень, горячий. Очень меня смущающий своей грудью в расстегнутой рубашке.

В моей жизни пока не было мужчин. У нас в городке с парнями моего возраста напряженка - многие уехали, кто-то пьёт, остальные женаты или встречаются с более яркими интересными девушками. Смотрит на меня один отец-одинач-

ка, сын у него сорванец и проказник. Звал на свидания, но я пока не знаю, мне кажется разница в возрасте у нас слишком большая, в два раза.

Если отвлечься от ужасного характера и темного прошлого, то Державин... образец физического совершенства. Высокий, мощный, с резкими симметричными чертами лица. Пухлые губы, орлиный взгляд из-под темных ресниц... Чего же не хватало моей сестре?

Я таких как он только в телевизоре видела или в журнале.

— Ты безумно сексуальная, когда пытаешься вот так мной командовать. Заводишь, — в мужском голосе появляется характерная хрипотца. Меня начинает потряхивать.

Ну нет, ничего у меня с этим мачо не будет. Он чужой муж и к тому же принимает меня за совершенно другую женщину. Мне все равно, пусть Наташа не против его измены и даже готова мне за это заплатить. Я сама не способна на такое.

Моралистка? Возможно.

— Ты так смотришь, будто я тебя шокирую, — усмехается он, его дыхание с терпкой нотой касается моего лица. — Хочу тебя тут, прямо на столе.

— Я... я... нет! — вскрикиваю, краснея, и пытаюсь отодвинуться. Нужно срочно придумать что-то! Вот прямо сейчас. А то я лишусь своей девственности прямо на столе и у Державина будет шок по этому поводу. Не думаю, что он ожидает, что его жена дважды девственницей окажется.

Вадим склоняется ниже, его нос почти касается моей клю-

чицы. Он глубоко втягивает воздух.

— Что это за запах? — снова делает глубокий вдох.

— Детское мыло, — отвечаю механически. Нажимаю ладонями на крепкие плечи, при этом стараюсь не думать ни об их упругости, ни о жаре, исходящем от Державина.

— Мне нравится. Ты как ванильная клубничка, — шепчет он. И вдруг его зубы легонько прикусывают нежную кожу на моем плече.

— Ай! — вскрикиваю я из-за резкого разряда тока, прошедшего через все тело. Не больно, но искряще. Этот мужчина явно умеет обращаться с женщинами и соблазнять их. Изловчившись, проскакиваю под его рукой. Соскользнув со

стола, шлепаюсь на пол, больно ударив копчик.

— Черт! — скриплю зубами от боли, даже слезы в глазах выступают.

Державин с удивлением и насмешкой переводит взгляд вниз.

— Я ухожу спать! — заявляю, неэлегантно отползая к двери и поднимаясь.

— А как же супружеский долг? — ухмыляется он нагло, все еще стоя у стола. Одна рука кулаком упирается в столешницу. Глаза при этом какие-то странные. Ясные, совсем не затуманенные. Он меня будто-бы прощупывает ими.

— Сегодня супружеского долга не будет! — отрезаю, начиная загибать пальцы. — Ты не уделил время ребенку, ты употреблял, — киваю в сторону мусорного шкафа. — Так что я накладываю санкции. На вот это вот все. До самого Нового года! — широким жестом обвожу ладонями свое тело в шелковом халате.

Державин замирает, сматривает. Потом тихо смеется.

— Санкции? Серьезно? - Уточняет он.

— Абсолютно! - Серьезнее некуда. Ничего, не переломится он без секса пока Наташка не вернется. Это не какая-то жизненно необходимая потребность типо воды или еды. Потерпит!

— Ладно, — он качает головой, — как скажешь.

Я не ожидала такой быстрой капитуляции, так что даже теряюсь.

— Правда?

— Послезавтра продолжим.

— Как? Что? — хмурю брови. Да, блин, точно! Новый год на носу.

— Спасибо, что не до Рождества, — в голосе Державина тонна сарказма. — Спокойной ночи, малыш.

— Спокойной. Я в гостевой посплю! Вот так! — Прикусываю губу и выскакиваю из кухни. В гостевой закрываю дверь на замок и прислоняюсь к ней спиной. Сердце колотится как сумасшедшее. Я провожу рукой по плечу. Там, где его зубы царапнули кожу, все горит.

Санкции я ввела. Что за глупость пришла мне в голову, а? Господи, что я несла?

И что я буду дальше делать, Новый год на носу!

Глава 07.Сборы

Проснулась я очень рано, хотя и уснула, кажется, лишь под утро. Мысли о Державине и той безумной ситуации, в которой я оказалась, не оставляли меня ни на секунду. Голова гудела, виски сдавливала тупая боль. Я потеряла их, пытаюсь разогнать тяжелую липкую мусть страха в голове.

Перед сном, валяясь на кровати в гостевой и периодически поглядывая в потолок, я загуглила, сколько лететь на те самые чертовы Мальдивы. Прямой рейс — около девяти часов. Это значит, приземлилась Наташа где-то часа в три ночи.

Набрала ее номер — «абонент недоступен».

А что, если она вообще не соизволит взять трубку до окончания своего загула?

Или, того хуже, решит продлить «отпуск»?

Ну нет, о худших исходах ситуации я не хочу даже думать.

Очень надеюсь, что за долгие часы полета, наедине с собой, Наташа смогла хорошенько подумать. Вспомнила о муже. Об Амелии — своей крошечке, ее теплых объятиях и забавном лепете. О той связи, которая еще с беременности протягивается крепкой нитью между матерью и ребенком.

Да неужели она не скучает и не переживает?

Не верю!

Она одумается и вернется!

Да...

Иначе и быть не может.

А пока я просто побуду тут.

Взглянув на часы, я быстро собралась с мыслями. Сбегала в душ, натянула на себя вчерашний злосчастный шелковый халат. К сожалению, вся одежда осталась в Наташиной с Вадимом общей спальне. Ломиться в комнату, пока там Державин, было страшно. А вдруг не выпустит!

И что сегодня? Вчера я ему отказала, выбежала из кухни, как ошпаренная.

На цыпочках пройдя по коридору, заглядываю в детскую. Амелия уже не спит, а тихонько лежит, обнимая любимого плюшевого мишку.

— Мама? — удивленно шепчет она, увидев меня в дверном проеме.

Ну конечно, кто же еще мог прийти к ней в семь утра. Державин точно после вчерашнего спит.

— Да, солнышко, я, — с самой нежной улыбкой, на какую была способна, вхожу в детскую и прикрываю за собой дверь. — Ты уже выспалась, моя карамелька?

— Да, — она садится на кровать и продолжает на меня смотреть широко открытыми доверчивыми глазами.

— Отлично! Тогда давай просыпаться, умываться и вместе готовить завтрак. Хочешь?

— Хосю! — оживляется Амелия и тут же перебирается ко мне на ручки, стоит подойти ближе. Более тактильного

ребенка я в своей жизни не видела.

Пока крутилась ночью без сна, много всего передумала. Не могу я малышку бросить. Вот так взять и сбежать, лишить ее матери, если все раскроется. Ребенок должен расти рядом с тем, кто его любит и кого он любит тоже. Мама — самая важная фигура в жизни ребенка. Так что я останусь с племянницей и мужем сестры на все праздники, если потребуется, а когда Наташа вернется, серьезно с ней поговорю.

После утренних процедур мы вместе отправляемся на кухню. Я, как и вчера, окунаюсь в утреннюю рутину. Омлет для Державина с беконом и сыром, каша для Амели.

В животе урчит — вчера на нервах я практически не ела, и сейчас голод дает о себе знать легкой тошнотой и головокружением. Нужно будет плотно позавтракать, чтобы не напугать Амелюшку и Вадима обмороком.

Пока я занимаюсь у плиты, Амелка сидит за столом на своем высоком стульчике и безотрывно за мной наблюдает, тихо разговаривая со своим мишкой. Рассказывает ему, что ее мамочка делает.

К тому времени, как я начинаю накрывать на стол, появился Державин. Немного хмурый, с влажными после душа темными волосами, зачесанными назад. На нем уже привычные простые спортивные штаны и футболка, обтягивающая торс так, что не остается никаких сомнений в его отличной физической форме. Мне приходится отвести глаза, потому что выглядит он как с картинки — настоящий Аполлон.

Мне кажется, каждый раз при виде него я буду задавать себе один и тот же вопрос: как могла моя сестра променять этого мужчину на какого-то другого? Как минимум, внешне Державин идеален. К тому же еще хорошо зарабатывает, что очень важно для сестры.

И вот чего ей не хватает?

Каков там этот Леша, что смог ее очаровать после Державина?

— Второй завтрак за два дня, — Державин садится на свое место и, отхлебнув кофе, усмехается. — Так можно и привыкнуть, женушка моя драгоценная.

Поджав губы, я устраиваюсь напротив него. Наши взгляды пересекаются — его насмешливый, мой упрямый и настороженный.

Амелия же ничего не понимает в дуэли взглядов, поэтому тихонько принимается за свою кашу, еще и медвежонка понорошку подкармливает.

— После завтрака начинай собирать вещи, — Вадим отодвигает от себя пустую тарелку в конце завтрака. — Вкусно, спасибо.

— Вещи? Зачем? — я начинаю ерзать.

— Как зачем? — поднимает на меня удивленный взгляд. — Мы летим в Сочи праздновать Новый год. Ты же сама об этом просила перед моим отъездом в Питер.

Сочи. Сердце екает. Действительно, вчера он что-то говорил про билеты, собирався их покупать. А у меня вообще

это вылетело из головы.

Я продолжаю есть кашу, чтобы скрыть замешательство. Ну вот, теперь я еще и под чужим именем полечу на море. Это же преступление получается.

Оххх...

И между тем я ведь ни разу не была в Сочи и не видела моря. Я вообще мало куда ездила — с зарплатой воспитателя особо не разгонишься.

После завтрака Державин важно усаживается в гостиную, обложившись бумагами, и утыкается в них носом. Амелка, доев свою кашу, с тоской наблюдает за отцом. А он все работает.

Меня возмутило подобное невнимание Державина — он что, не видит, что дочка хочет с ним побыть? Она соскучилась! Пока я здесь нахожусь, будет не лишним привить ему, как отцу, некоторые полезные привычки.

— Дорогой, — начинаю я сахарно, привлекая к себе внимание. Беру Амелку на руки и подхожу к Державину, — не мог бы ты некоторое время провести с Амелией? Я вижу, ты не сильно занят, а я пока собираю вещи. Или ты хочешь собрать чемодан?

Лицо Державина вытягивается. Он моргает, смотрит на свои бумаги, потом на дочь.

— А этим ты сможешь заняться в новогоднюю ночь, — киваю на его бумаги. Скрыть сарказм не получилось.

Тоже мне, нашел когда делами заниматься — в праздни-

ки... После Рождества поработает, сейчас важнее провести время с семьей и уделить внимание Амелюшке.

— На новогоднюю ночь у меня совершенно другие планы, — его задумчивый взгляд скользит по моей фигуре, задерживаясь на этот раз на ногах.

Ну вот опять эти его намеки. И как мне тут не нервничать?

Передав малышку отцу, я разворачиваюсь и чуть ли не убегаю в детскую заниматься вещами. У Амелии оказалось два очень милых розовых чемоданчика, один из которых я заполнила игрушками, а второй — детскими вещами. Выка- тив их в коридор, я прошла в хозяйскую спальню.

Если собрать ребенка для меня не составило труда, то что брать для себя, я не понимала. Гардероб Наташи вызывает у меня тихий ужас. Очень много откровенных платьев, лосин, вызывающих блузок, юбок-мини. Из приличного лишь одно черное платье-футляр. Его я сразу кладу в чемодан. Дальше, скрипнув душой, закидываю туда облегающие джинсы с яркой вышивкой, теплые леггинсы серебристого цвета, несколько блузок. Отобрала пару теплых кофт, хотя их расцветка и излишек страз меня немного смущают.

Я привыкла ко всему простому, к чему не цепляется взгляд. Обожаю бежевые, белые, теплые тона.

Добавляю несколько баночек с кремами, которые оставила для меня Наташа, следом подхожу к полке с бельем. Там несколько нераспечатанных пакетов, но то, что находится внутри, заставляет меня покраснеть до корней волос. Я

немедленно все кладу на место, решив, что по приезде в Сочи постараюсь купить что-нибудь удобное. Да, я люблю, когда ничего не жмет и не впивается в тело, шортики и классические трусы например. Удобно же.

На пару минут выхожу в общую ванную, чтобы разобраться с зубной пастой, шампунем и прочими мелочами, а вернувшись в гардеробную, обнаруживаю там Амельку с Державиным. Он вальяжно развалился на ковровом покрытии, во рту у него чупа-чупс. Амелька открыла все ящики и с большим энтузиазмом рассматривает, что внутри.

— Что вы тут делаете? — спрашиваю я, наблюдая резко образовавшийся вокруг бардак. — Ой... — и вижу в своем чемодане целый ворох развратного белья. Красное кружево, черные сеточки, что-то кожаное. С подозрением смотрю на Державина, потому что мне не верится, что малышка так точно могла выбрать именно эти предметы одежды, чтобы добавить их в мой багаж. Державин усмехается, но делает вид, что не понимает, в чем дело.

А вот платье-футляр, единственное приличное, что было в чемодане, оказалось на полу. На его юбке красуется огромное пятно. Рядом валяется орудие преступления — открытая баночка с йогуртом.

— О боже, — шепчу я, беря в руки испорченную вещь и прикидываю, успею ли я ее отстирать и высушить до отъезда.

— И зачем тебе платье, в котором ты ходила на похороны моего деда? — дергает бровью Державин. Его внимательный

взгляд застывает в районе моего декольте. Опять!

— Оно... оно мне нравится, — отвечаю я, запинаясь. Неловко как-то вышло, то на похороны, то на отдых, получается. — Очень... эlegantное.

— Серьезно? Раньше ты говорила, что оно «унылое, как твоя жизнь».

— Я передумала. Эlegantное, — цежу раздраженно, — но теперь полностью испорчено.

— Папа сдевав каку, — выдает дочка отца, — вылив мой егувт! А я не допива!

— Вот, значит, как, — я упираю кулаки в бока и топаю ногой. Гляжу на Вадима недобро.

— Ами, договаривались же, что ты папку не сдаешь, а я тебе за это куклу, — Державин вытаскивает чупа-чупс изо рта и шкодливо улыбается, но меня это не трогает.

— Ты учишь ребенка врать его собственной матери? — мой голос приобретает мрачные интонации.

— Натуйль, выдохни. Нам скучно, так что мы пришли тебе помочь. Правда, Ами?

— Дя! — Амелия хлопает в ладоши.

— Вот, положи маме еще вот это, — Державин тянет руку и достает с полки что-то шелковое и розовое. Я не глядя закидываю это сверху и закрываю крышку. Потому посмотрю, что там.

После моего чемодана приходит черед вещей Вадима. Он указывает чупа-чупсом, что ему взять, долго и серьезно вы-

бирает боксеры, заставляя меня показывать то одни, то вторые. Особенно переживает за те, в которых будет лучше всего встречать Новый год. Мне кажется, он откровенно наслаждается моим смущением и нервозностью в процессе сборов.

— Да господи, берем красные, — я закидываю в чемодан боксеры на свой выбор.

— Отличный выбор, — Державин покладисто кивает.

Ну хоть в чем-то мы сошлись.

После сборов я отправляюсь на кухню приготовить обед. Державин с Амелией идут за мной хвостиком, чтобы навести суету уже тут. Амелька с энтузиазмом помогает накрывать на стол, точнее подсовывает салфетки под тарелки, Державин жуёт то, что получилось стащить, пока я готовила. А я продолжаю присматриваться к нему.

За исключением того момента, когда он обещал «всех там поубивать» и часть народа «выкосил», Вадим оказался абсолютно адекватным и нормальным мужчиной. Пусть со своеобразным чувством юмора, слегка авторитарный и, возможно, немного употребляющий, но в общем и целом он тянул на порядочного, хорошего мужа.

Дура, Наташа, ой, дура... Этот ее Лешка поматросит ее и бросит. Не верю я в какую-то там любовь клубного мажора к замужней женщине с ребенком. А вот в то, что поиграться хочет, охотно. Сестра и сама очень скоро это поймет.

Меня немного отпустил страх, что Державин может меня разоблачить — ни один нормальный муж, если бы заподозрил, что место его жены занимает другая, которую он до того в глаза не видел, не позволил бы ей остаться рядом с ним и его ребенком. Он бы устроил скандал, сдал меня полиции, выгнал бы. Но явно не ел бы приготовленную мною еду, даже не переживая о том, что она может быть отравлена, и не смотрел бы на меня так плотоядно, как на свою женщину. А Державин смотрит. С мужским, неподдельным интересом. Значит, действительно считает, что рядом с ним его жена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.